

Цинь Сяояо уже сломала себе голову над этой загадкой.

Хотя она и знала, что её поступки отклонят первоначальный сюжет от намеченного пути, но не до такой же степени, чтобы всё шло в абсолютно противоположную сторону!

При любом раскладе дело не должно было дойти до полного потемнения рассудка и ожесточения!

Но тут в её голове внезапно мелькнула одна мысль.

Что, если всё это время она использовала меня и лгала мне?

Цинь Сяояо почувствовала, как по телу пробежал леденящий душу холод.

Её пальцы постепенно сжались на железных прутьях решётки.

Но почему же мне так больно в груди?

В этот самый момент из тени на другой стороне каменной камеры донёсся холодный женский голос, в котором сквозило немало критической настороженности:

— Святая дева Цинь, есть ли у вас сейчас хоть какие-нибудь соображения?

Цинь Сяояо всем телом окаменела и, услышав этот голос, резко обернулась.

Она увидела, что в соседней, чуть более просторной каменной камере, которая располагалась по диагонали напротив её собственной, на каменной кровати у стены сидела девушка.

На ней точно так же были надеты одежды адепки основного круга Секты Юйцин, а её длинное лунно-белое платье, даже покрытое пылью, не могло скрыть её утончённого и изящного темперамента.

Её чёрные как смоль волосы водопадом спадали на плечи, и лишь малая их часть была небрежно заколота простой нефритовой шпилькой, обнажая изящный изгиб шеи и лицо — слегка бледное, но от этого не менее ослепительно прекрасное.

Больше всего привлекали её глаза — чистые и ясные, они даже в заточении источали пронзительную, подобную снегу и льду остроту.

Цинь Сяояо ни за что не смогла бы перепутать это лицо!

— Шэнь Цинъюэ?! — вырвалось у Цинь Сяояо, и её лицо исказилось от крайнего неверия.

— Как ты здесь оказалась?!

Шэнь Цинъюэ — бесспорная главная героиня оригинального произведения!

Её природный талант, духовный склад и выпавшие на её долю возможности были наисвежайшей вершиной. Согласно сюжету книги, в ту ночь, когда Секта Юйцин пала...

Она должна была находиться как раз за пределами обители на секретном задании секты, благодаря чему ей удалось избежать гибели.

А в процессе бегства она заполучила ключевое наследство, с которого и начался её путь противостояния с Цзян Ханьюй и восстановления праведного Пути!

Но сейчас... как она могла оказаться здесь?!

Наблюдая за изумлением Цинь Сяояо, Шэнь Цинъюэ сохраняла спокойное выражение лица, в котором даже сквозила едва заметная тень насмешки.

Она не встала, а лишь поудобнее устроилась на прежнем месте, чтобы ей было комфортнее опираться о стену, и произнесла бесцветным тоном:

— Почему я здесь? Разумеется, потому что мне пришло «срочное» послание о том, что в секте произошли перемены, и приказ немедленно вернуться.

Она на мгновение умолкла, и её взгляд упал на Цинь Сяояо, не скрывая открытой оценки.

— Теперь-то мне ясно, что то письмо, должно быть, тоже являлось частью тщательно спланированного замысла.

— Цель, пожалуй, заключалась в том, чтобы затянуть в сети и меня, эту ускользнувшую рыбу.

Она слегка склонила голову набок и задала вопрос снова.

— Итак, святая дева Цинь, есть ли у вас... какие-нибудь соображения по этому поводу?

Какие... соображения?

Вопросы Шэнь Цинъюэ слегка озадачили Цинь Сяояо, а вместе с тем она ощутила явную

неприязнь, исходившую от тона и взгляда собеседницы.

— Что имеет в виду старшая сестра Шэнь? — Цинь Сяояо нахмурилась, подавляя внутреннее раздражение и обиду, и постаралась придать своему голосу более спокойное звучание.

— Какие у меня могут быть соображения? Секта внезапно подверглась страшному бедствию, и мы обе скатились до положения узниц.

— О чём сейчас можно думать, кроме как о способе выбраться отсюда?

Она не понимала, чем вызвано такое отношение со стороны Шэнь Циньюэ.

В представлении Цинь Сяояо Шэнь Циньюэ отличалась несколько холодной и горделивой натурой, годами пропадала на вылазках или предавалась уединению для медитаций, поэтому их пути с ней, «воспитывающей» ученицу наставницей, пересекались не столь часто.

Тем не менее, обе они являлись кандидатницами на роль святой девы и время от времени сталкивались на больших состязаниях секты или во время лекций по передаче мастерства, так что их отношения вполне можно было назвать поверхностным знакомством.

Близкими их назвать не получалось, но и плохими — точно нет, более того... поскольку сама она знала, что Шэнь Циньюэ — ключевая фигура для борьбы с Цзян Ханьюй в будущем, она порой намеренно или ненамеренно «инвестировала» в неё.

Она могла случайно встретиться с ней и «между делом» упомянуть о какой-нибудь тайной обители или целебных травах из древних фолиантов — обо всех тех возможностях, которые в оригинальном романе Шэнь Циньюэ должна была обнаружить в одиночку и извлечь из них пользу.

Правда, стоило ей только попытаться подойти поближе и сказать чуть больше слов, как откуда ни возмись неизменно появлялась Цзян Ханьюй и уводила её.

При этом та сверлила её столь глубоким взглядом, что Цинь Сяояо волей-неволей приходилось обрывать разговор на полуслове.

Но после стольких раз Шэнь Циньюэ не могла не догадаться о её «благих намерениях».

С точки зрения Цинь Сяояо, их отношения при любом раскладе должны были сойти за «обычную дружбу» с толикой взаимной симпатии, не так ли?

По крайней мере, они не должны были походить на нынешний взгляд, брошенный на неё так, словно она предательница.

— Хм-м... —

Услышав это, Шэнь Циньюэ тихо усмехнулась, и в этом смешке не было ни капли тепла.

— Святая дева Цинь, неужели к настоящему моменту ты всё ещё намерена прикидываться дурочкой?

Она подняла глаза, и её взгляд, острый как ледяные шипы, вонзился в Цинь Сяояо.

В этом взгляде, помимо недоверия, казалось... примешивалось что-то недоступное пониманию Цинь Сяояо? Ревность? Досада?

— Разве вы с Цзян Ханьюй не были всегда ближе всех? — голос Шэнь Циньюэ стал ещё холоднее.

— Во всей Секте Юйцин кто же не знает, как святая дева Цинь лелеет свою младшую сестричку неизвестного происхождения и всюду следует с ней рука об руку?

— Даже глава секты и старейшины молчаливо одобряли эту вашу особую привязанность.

Её взгляд скользнул по запястью Цинь Сяояо, где даже в тусклом свете темницы смутно угадывался тёмно-красный браслет.

— События этой ночи — будь то стянутые силы или расставленные формации — совершенно точно готовились не один день и не одну ночь.

— Ты хочешь сказать, что ничего об этом не знала?

Шэнь Циньюэ подалась вперёд и, понизив голос, заговорила сквозь прутья решётки:

— К тому же, некоторые люди говорили мне, что во время резни, учинённой теми людьми в чёрном, тебя они практически не тронули.

— Цинь Сяояо, — Шэнь Циньюэ пристально смотрела на неё, произнося её имя целиком.

— Похоже, теперь она вырезает всю секту, но к тебе... ха-а, всё так же проявляет особую заботу.

— Да и то, как она на тебя смотрит...

— Стоп! — Цинь Сяояо разозлилась от этих её колких и язвительных речей.

Она прямо перебила девушку, не давая ей продолжить.

— Старшая сестра Шэнь, неужели близость с Цзян Ханьюй автоматически делает меня предательницей?

При упоминании этого имени в груди снова защемило от тупой боли.

— Да, я признаю, что раньше хорошо к ней относилась и заботилась о ней.

— Но какое это имеет отношение к тому, знала я или нет о её планах на сегодняшнюю ночь?

Чем дальше она говорила, тем сильнее распалялась, и её голос невольно повысился.

— Она не убила меня с ходу, как остальных! Но взгляни на это!

Цинь Сяояо резко приподняла подол собственного платья, обнажая кожу на животе —

Кожа там была безупречно белой, однако сейчас на ней чётко отпечатался тёмно-красный рунический символ.

— Разве я не заперта в этой темнице с запечатанной духовной силой точно так же, как и ты?

Впрочем... с какой стати Цзян Ханьюй понадобилось накладывать печать именно в таком месте? Чувствовалось в этом что-то странное.

Она поднимала платье довольно размахисто, в порыве спешки доказать свою невиновность даже не задумываясь о последствиях.

В конце концов, речь шла всего лишь о демонстрации печати, к тому же обе они были девушками.

Тем не менее, когда она в гневе подняла голову, рассчитывая увидеть в глазах Шэнь Циньюэ понимание вроде «оказывается, тебе тоже пришлось тяжело», произошло непредвиденное.

Она встретила взглядом с глазами собеседницы, которые та поспешно отвела в сторону, а мочки ушей Шэнь Циньюэ покрылись подозрительным румянцем.

Шэнь Циньюэ уже отвернулась, даже зажмурившись, её длинные ресницы слегка подрагивали,

а в голосе прорезалось замешательство:

— Святая дева Цинь, раз уж мы разговариваем, не стоит... так запросто задирать юбку.

Тон её по-прежнему оставался прохладным, но при внимательном вслушивании в нём угадывалась некоторая неловкость.

— Ты всё-таки святая дева секты, следует вести себя более подобающе.

Цинь Сяояо: «???»

Весь её пыл праведного самооправдания внезапно уперся в стену из-за столь неожиданной реакции Шэнь Цинъюэ.

Она не сразу сообразила, что к чему, моргнула, опустила взгляд на собственный задранный подол и утонула в море вопросов.

Мы же обе женщины, к тому же ситуация смертельно опасная, ну и что такого, если посмотреть на печать?

Раньше она никогда не замечала за ней такой... излишней чопорности!

В оригинальном романе та обладала решительным, бойким и дерзким нравом.

<http://bllate.org/book/19487/1910266>